Верующие и неверующие Новой Сынжереи, 1988 год

В черную полосу вошла жизнь секретаря Ново-Сынжерейского сельсовета Марии Купчи. Пропали из дому четыре тысячи, заработанные шурином на БАМе. А ему строиться... Потом оплошал сын Виталька: когда пас в свой черед коров, не углядел, как те объелись дурной травой. Три животины издохли. О своей поплакали, а за соседских плати. А откуда у Марии деньги? Своих полтораста в месяц да мужниных 87 ему, больному, больше не заработать. Вот и решила Мария, как и в прошлом году, податься на заработки. Взяла положенный ей отпуск, напросилась к Наталье Гордаш в бригаду и поехала с восемнадцатью односельчанами убирать литовскую свеклу.

Каждый год вот так ездят в Прибалтику жители Новой Сынжереи. Когда сто человек за лето, когда полтораста. Зарабатывают прилично деньгами, зерном. Дается им это недешево: чтобы управиться с прорывкой кормовой свеклы на трех-пяти гектарах, выходить в поле надо в шесть, а уходить в сумерки. Дожди там постоянные, всегда в грязи по уши, да и холодно не молдавская ласковая осень. Особенно тяжко приходилось на ферме, когда грузили на машины навоз.

Мария женщина крупная, сильная. Себя не щадила, работала истово торопилась. У нее, отпускницы, времени было меньше, чем у других. Они-то не были связаны службой кто всегда на приработках, кто уволился на сезон, уверенный, что назад все равно примут. В большинстве своем это была молодежь, недавние и вчерашние выпускники средней школы. Анастасия Кобывник старшая по возрасту ворчала на чересчур усердную Купчу. Совсем, мол, загнала. Мария отшучивалась: «Я же коммунист, должна вам пример в труде показывать или нет?» И обещала шутя, что расскажет пресвитеру о его ленивых прихожанах, братьях по вере. «И не смей», - пугалась Анастасия.

Тут надо пояснить, что в составе бригады около половины было верующих адвентисты седьмого дня, баптисты. Впрочем, здесь, вдали от родителей и духовных пастырей, это было совсем незаметно. Не оттого, что уставшему не до молитвы. «На воле» молодежь преобразилась:

шутили, рассказывали анекдоты и если пели, то отнюдь не псалмы. Ездили в Шяуляй, не страшась мирских соблазнов. Жили дружно, все на лесном хуторе, по пятеро в комнате. Автобус привозил им молоко, другие продукты.

Заработав за три недели четыреста рублей и тонну пшеницы, Мария взяла расчет и заторопилась домой. Сердце щемило: как там дома? Но хоть спешила, да не успела: всего за четыре часа до ее возвращения скончалась давно уже безнадежно болевшая мать. Никогда Мария не простит себе опоздания, никогда…

Вернулась она в субботу, а в понедельник ей было приказано явиться в райисполком. «Так мать же хороню», - растерялась она. «Сказано сроч-ч-на!»... Поехала, но только во вторник, терзаемая загадкой: зачем? Откуда ей было знать, что в Лазовский райком партии пришла анонимка, сообщавшая, что Купча ездила на заработки вместе с верующими. В райкоме ахнули: с верующими! Это же ЧП!

Письмо было передано по инстанции в райисполком, и во вторник зампред В. Симак строго спросил у Марии: где была, что делала? С большого перепугу та соврала: была-де в Прибалтике в гостях у брата. «Смотри же, не подведи меня», сказал Симак. А через три дня пришел новый сигнал в райком: пофамильно назывались верующие, работавшие с Купчей в Литве. Аноним грозил, что сообщит куда следует, если партийные власти не примут меры. Опять вызвали Марио на ковер. Наревевшись, призналась-таки, написала объяснение... Купчу оставили в покое, но в районных инстанциях с ней было все решено: такие работники нашим Советам не нужны.

Кадровые вопросы в районах решаются скоро, но вот с Купчей обнаружилась некоторая сложность: на ее выборную должность надобен другой депутат. Подходящей же фигуры в Новой Сынжерее не находилось, вопрос следовало «подрабатывать»: подобрать, доизбрать, а потом уж и Купчу снимать. Правда, за семнадцать лет работы секретарем Совета она ничем себя не скомпрометировала, работала усердно, дело знала. Но о чем говорить, коли решил райком?

Пять месяцев минуло, пока «подрабатывали», подбирали, доизбирали... В последних числах февраля председателя сельисполкома А. Андрицкого и секретаря парткома откормочного предприятия «Прогресс» М. Гайдеека вызвали в район и велели закрывать вопрос с Купчей. Рекомендовали по-хорошему объяснить ей, что с точки зрения морали нельзя ей больше... Ну, в общем, дискредитация и так далее. Если и работники госорганов станут якшаться... Короче, следует с ней решить сначала на парткоме, а потом уж вынести на сессию сельсовета.

И пришел судный день. Марии дурно стало, когда узнала, что ей предстоит. Бледная, перепуганная, в слезах прибежала за полчаса до заседания к секретарю парткома: «Не срамите перед людьми, сама напишу заявление... По собственному...» Гайдеек позвонил в район, сказали: пусть.

Как пленный партизан держалась на сессии Мария. Ничего не объясняла, одно лишь твердила: «Отпустите...» Депутаты недоумевали: с чего бы это? Поблагодарили за многолетнюю работу и освободили, так ничего и не поняв.

Два месяца не работала Мария Купча, жила словно в оцепенении. Поросят, корову, телку продала... Нашлось наконец место в школьной библиотеке. Отошла немного и принялась

жаловаться. В Верховный Совет республики, в ЦК Компартии Молдавии, в редакции газет. Обида и сегодня гложет. Убеждена Мария, что выжил ее председатель сельсовета: хотел, чтобы секретарем был кто попокладистей. Приезжал в село работник аппарата Президиума Верховного Совета МССР, разбирался, установил: не выживали Марию, сама подала в отставку. Ездил и я в Новую Сынжерею. И тоже убедился, что понапрасну Мария подозревала председателя в кознях, он-то как раз и ни при чем. «Должность свою скомпрометировала», так объясняли мне причину ее увольнения. С кем бы ни говорил я в Новой Сынжерее, а потом и в Лазовске, ни у кого нет сомнения, что Купча наказание заслужила. И без того в районе растет религиозность населения, а тут еще этакое случилось. Непростительно...

Первая баптистская община появилась в Новой Сынжерее давно еще в 1925 году, а адвентистская примерно двадцатилетие спустя. Они объединяли тогда всего несколько семей. Но после того как в селе была с помпой закрыта церковь, приток в общины резко усилился, застойные же десятилетия сопровождались прямо-таки бурным их ростом. Сами судите: сегодня в сельсовете каждые шесть семей из десяти считают себя приверженцами одного из религиозных учений евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников и сторонников «Совета церквей» (или иначе баптистов-раскольников). Примерно каждый третий учащийся двух средних школ по религиозным мотивам не вступает в пионеры и в комсомол, пропускает занятия по ряду предметов, отказывается участвовать в общественных мероприятиях. Многие дети совсем не ходят в кино, не смотрят телевизор, не читают «светские» книги. Школьники-адвентисты не посещают занятия по субботам, а учащиеся из семей баптистов-раскольников устраивают порой евангелические диспуты и массовые псалмопения прямо в школьных коридорах.

Немного сел в Молдавии, где процент верующих сегодня столь велик, и вполне понятно, что у полководцев атеистического фронта Новая Сынжерея хуже бельма в глазу. Внимания они ей уделяют, казалось бы, много: приезжают лекторы, проводятся тематические сходы «Химия без чудес», «Дни села»; демонстрируются новые обряды. А толку нет. Причина хорошо знакома: все эти важные мероприятия верующие не посещают. Мне показали в сельсовете список отошедших от религии за последние пятнадцать лет. В нем двадцать одна фамилия. Списка жителей, пополнивших за эти годы местные религиозные общины, я не видел. Но в том, что таких жителей в десятки раз больше, убедился достоверно.

Как им докажешь, что религия зло, когда они тебя не слышат и слышать не хотят? - с горечью признается А. Гайдеек. - Никакого эффекта ни от наших агитаторов, ни от приезжих лекторов. Будто каменной стеной отгородились от нас верующие. Не верят нам. И, главное, экономически никак не зависят от хозяйства.

Вот ведь, право, загвоздка... Легко ли повлиять на убеждения человека, с которым не общаешься ни дома, ни на работе? Члены религиозных общин Новой Сынжереи предпочитают зарабатывать на жизнь где-нибудь на стороне. Если женщины ездят на сезонные сельхозработы, то мужчины строят фермы, больницы, жилье в Казахстане, в Сибири, на Украине. Почти у всех свои теплицы, скот, живут зажиточно, одеваются и меблируются дорого. Какая-то часть верующих, правда, работает в местном хозяйстве на откорме скота, но рабочих мест в животноводстве на всех не хватает. А в полеводство не идут, предпочитают молдавским полям прибалтийские.

С годами ничуть не сокращается дистанция отчуждения. Стойко нежелание верующих иметь какие-либо дела с «властями». И проще простого было бы объяснить эту отчужденность несознательностью верующих, искать в религиозных догмах истоки скрытого, а порой и откровенного неверия в здоровье общественной экономики. Но ведь на протяжении многих лет сама жизнь убеждала их, что на слово представителей государства положиться нельзя. Стоит только припомнить, сколько реорганизаций претерпело местное хозяйство, как только не перекраивалось, как не переназывалось... Нестабильность заработка, отсутствие твердых гарантий, что завтра тоже будешь обеспечен работой, убеждали: надейся-ка на самого себя, а от властей держись подальше. Пусть семь потов прольешь, но зато уверен будешь, что все заработанное твое.

Сейчас руководителям «Прогресса» с великим трудом удалось убедить, да и то всего лишь нескольких членов общин, взять семейный подряд на выращивании овощей. Другим пытаются доказать со счетами в руках, что на той же свекле у себя дома можно заработать даже больше, чем в Прибалтике. Увы, лед недоверия крепок.

Еще острей, чем хозяйственники, испытывают на себе дефицит доверия верующих работники местных Советов. Удивляться тут нечему. Не скоро еще забудут в селе, как глава сельсовета и его секретарь палками разбивали у верующих застекленные теплицы, площади коих превышали узаконенные двадцать «квадратов». Сколько ни тверди теперь, что от нелепого постановления пострадали и атеисты, а мнение сложилось: с верой боролись... Сейчас, слыша призывы развивать парниковое огородничество, недоверчиво усмехаются: обманут... Да и как верить властям? Сколько уже копят на них обиду ново-сынжерейские адвентисты, получившие разрешение на открытие молитвенного дома и давно уплатившие за него деньги. Но волокита с оформлением длится уже несколько лет. Видно, считают в районе, бюрократическая рогатка — это тоже оружие в борьбе за торжество идей материализма.

Ново-сынжерейские детали очень органично вписываются в общую картину. Не только в Лазовском районе советские партийные органы считают своим долгом, прямо-таки делом чести «бороться с религиозным дурманом» всеми доступными способами. Например, в Чимишлии школьникам из семей адвентистов седьмого дня, не пришедшим в субботу на экзамен, перенесли его... на следующую субботу. Что, мол, получили? «Воюем!» - гордо рапортуют в Кишинев руководители Суворовского райисполкома, препятствующие открытию церквей в Фетелице и Капланах. «Усилить борьбу, сочиняются бумаги во Флорештском райисполкоме, с фанатично настроенными лицами...».

Я знакомился с папками, где собраны многочисленные жалобы, письма, претензии верующих Молдавии к государственным органам. Чем они недовольны? Многим. Тем, например, что членов религиозных общин не ставят порой ни в очередь на квартиру, ни на установку телефона. Что незаконно требуют паспорта при обряде крещения, а с пастырей поименные списки прихожан. Что верующих неохотно берут на работу, а то и вовсе не принимают. Был случай, когда родителям отказали в прописке вернувшегося из армии сына. Нигде не увидишь на Доске почета верующего, хоть бы он работал лучше всех. Ни одного не наградили ни дипломом, ни грамотой...

Беззаконие? Разумеется. Видимо, от незнания, от юридической неграмотности? Да как сказать... Замечая, как подозрительно часто отменяются в высших инстанциях чиновничьи запреты,

понимаешь, что в райисполкомах сплошь и рядом вполне сознательно нарушают законодательство о культах. Пускай, дескать, Москва нас поправит не страшно. Зато в Кишиневе, а главное, в своем собственном райкоме партии лишний раз убедятся, какие мы непримиримые атеисты... В их бедные головы как-то не укладывается, что страна наша вовсе не государство атеистов и своих граждан по принципу «верит не верит» не делит. Конституция СССР всем гарантирует равные права перед законом и коммунисту, и адвентисту. И нет и не может быть у нас граждан второго сорта независимо от того, идеалистически или материалистически советский человек объясняет мир. Государству всего важней отношение человека к «делам мирским», его гражданская позиция, участие в развитии социалистической экономики, уважение к закону, крепость нравственных норм. Государство кровно заинтересовано в том, чтобы миллионы верующих чувствовали себя не ущербными, а свободными, полноправными членами общества. А верующие должны быть твердо уверены, что именно в Совете сельском, поселковом, районном они всегда найдут понимание и поддержку, когда дело касается их гражданских прав.

Так что печься нашим местным Советам надобно бы сейчас не о победах на антирелигиозном фронте, а о восстановлении сильно утраченного временем доверия верующих к государству. Хватит, довоевались: Новая Сынжерея наглядное свидетельство «успехов» силового управления сферой духовной жизни. Когда-то всюду, не только в Лазовском районе, считали, что это очень просто: выколотить из человека «негодные» идеалы, заменив их более подходящими.

Чиновничья волокита, запреты приводят к прямо противоположным результатам среди членов религиозных общин крепнет сознание морального превосходства, жизнь в их представлении обретает оттенок жертвенности и для других становится в чем-то притягательной.

Так как же органам местной власти, тем же сельсоветам завоевать уважение и симпатии верующего населения? Наверное, не только бдительным соблюдением всех «можно» и «нельзя», не только четким исполнением регламентирующих параграфов. В наши дни, когда мы наконец вслух и всерьез заговорили о социальной справедливости, о милосердии любви к людям, этого мало. Сейчас авторитет советского работника в огромной степени будет зависеть еще и от того, насколько человечен он сам. Не стоит забывать, что чаще всего человека приводит к религии дефицит нравственности, люди бегут от жестокости, черствости, бездушия и формализма, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни.

Понимаю, что неловко в директивном порядке требовать от работников госаппарата терпимости и гуманности. Но, право, пора. Раньше, конечно, было куда проще: утешат, к примеру, баптисты человека в горе можно было сказать, что они «хитрые»; помогут кому-то материально «заманивают», «плетут сети» ... Даже мысли не допускалось о том, что участие верующих в чьей-то судьбе, их готовность прийти на помощь соседу, односельчанину, даже незнакомцу могут быть продиктованы не корыстным умыслом, а обычной человечностью той самой, что так редка в кабинетах, занятых представителями народной власти. Кстати, если бы чаще в этих кабинетах люди слышали добрые слова, встречали сочувствие, находили помощь может быть, охотнее и приходили бы? Больше доверяли?

А пока... Только за общение с верующими, только за работу бок о бок с ними поплатилась должностью секретарь сельского Совета. «Мы, верующие, для властей хуже чумы...» Попробуй теперь, после истории с Марией, опровергни это. Кстати, похоронить мать ей помогли опять-таки

члены религиозной общины. «Хитрые»... Зато бесхитростные руководители Совета, парторганизации хозяйства даже не подумали протянуть руку помощи товарищу, попавшему в полосу бед.

Что ж, молодежь в Новой Сынжерее не слепая. Видят все. Сравнивают. Мотают на ус. И когда придет время делать выбор интересно, сумеет ли убедить их в чем-то заезжий торопливый лектор?

Э. Кондратов, соб. корр. «Известий»

Молдавская ССР. Известия 1988 № 243

Комментарии
